

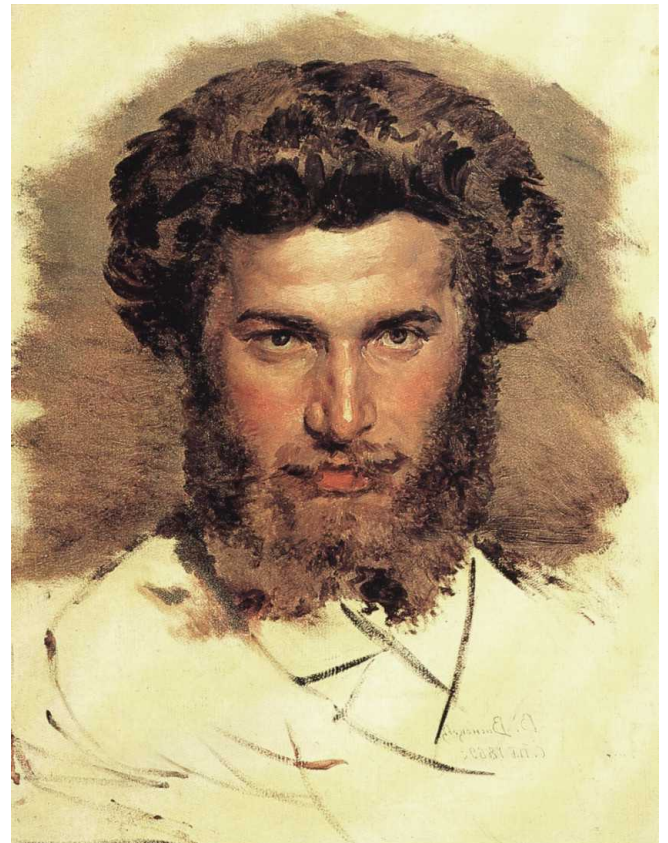
Культура как образ жизни

Учредитель АНО «Выставочный зал - «Художественный музей» г.Димитровграда

Газета основана в июле 2005 г.

Ученик и учитель — Рерих и Куинджи

Два великих самобытных художника мирового масштаба, внесшие огромный вклад в развитие живописного искусства. Оба уникальные незаурядные личности, жизнь которых для многих была окутана тайной. Поступив в Петербургскую Академию художеств, Н. К. Рерих, конечно, захотел учиться у И. Е. Репина. Но у того класс был заполнен, и он не смог принять Рериха. Так Николай оказался в мастерской А.И.Куинджи. На всю жизнь Рерих сохранил светлые воспоминания о любимом Учителе, которого считал не только великим художником, но и великим Учителем жизни. В своих статьях Николай Константинович неоднократно рассказывал об атмосфере единства и любви, царящих в мастерской Куинджи, об этом удивительном человеке с глубокой и доброй душой. Он был свидетелем одного из чудес света, когда в полдень, взобравшись с учителем на крышу, увидел тысячи птиц: голубей, ворон, галок, ласточек, покрывших плечи, руки и голову Архипа Ивановича, который кормил их и говорил Рериху: «Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя». Радостью для Куинджи была помощь бедным, но такая, чтобы не знали, кто оказал благодеяние. Он учил своих учеников бороться в жизни за правду, справедливость.

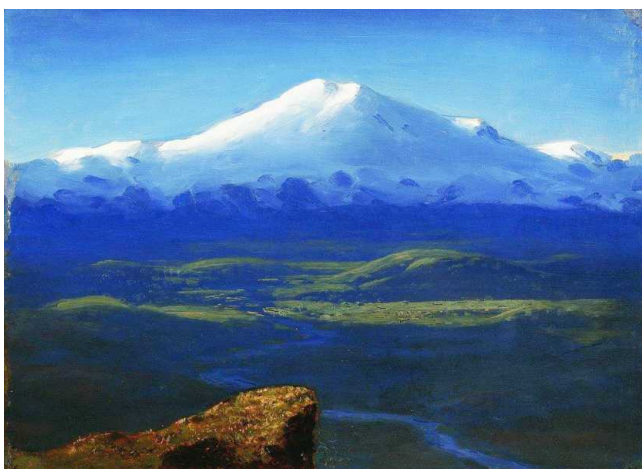

В. М. Васнецов

Портрет художника Архипа Куинджи. 1869 г.

Масло, холст, 46*36 см

Государственная Третьяковская галерея

А.И.Куинджи

Снежные вершины. 1890-1895 гг.

Чувашский художественный музей, Чебоксары

В «Твердыне пламенной» Николай Константинович цитирует слова Куинджи: «Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет» или «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей: жизнь в недотрогах не нуждается!» Рассказал Н.К.Рерих и о таком случае. Пришел к Куинджи служащий с этюдами; художник похвалил его работы, а тот стал жаловаться на то, что искусству мешает семья, служба. Архип Иванович спросил о том, сколько часов на службе пребывает этот человек, и когда узнал, что с 10 до 5 вечера, поинтересовался — что же делает он с 4 до 10, узнав, что спит, ответил:

«Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от 10 до 6, но зато всё утро от 4-х до 9 было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно четырёх часов каждый день.

Вспоминал Николай Константинович и о том, как возмущались товарищи возможностью его совмещения после окончания Академии художеств с работой помощника редактора журнала в Обществе поощрения художеств и прочили конец искусству. «Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек всё успеет, зрячий всё увидит, а слепому все равно картин не писать».

До самой кончины Архипа Ивановича его ученики оставались с ним в крепкой любви, в сердечном взаимопонимании и содружестве. И между собой ученики Куинджи остались в особых неразрывных отношениях. «Учитель сумел не только вооружить к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству», - писал Рерих.

Учениками Куинджи были выдающиеся художники: Аркадий Рылов, Константин Богаевский, Вильгельм Пурвит, Латри — внук И.К.Айвазовского и многие другие. Каждый из них сказал свое слово в живописи.

Жизненный путь А. И. Куинджи был нелёгок: оставшись сиротой, мариупольский мальчик-пастушок, любящий рисовать, становится ретушёром у фотографа. Не раз ему пришлось менять место жительства, род занятий, но неизменным оставалось стремление рисовать. Это привело Архипа в Петербургскую Академию Художеств (АХ), но поступить в которую сразу он не смог из-за слабой подготовки и оказался среди учащейся искусства молодежи, ютившейся на чердаках АХ. Грамотой он почти не владел, не признавал традиций, святыни художественного культа считал устаревшими. Академические рисовальные вечера и научные лекции Куинджи не посещал, до всего

А.И.Куинджи
Берёзовая роща. 1879 г.

Государственная Третьяковская галерея, г. Москва

А.И.Куинджи
Радуга. 1900-1905 г.
Холст, масло. 171*110 см
Русский музей, г. Санкт-Петербург

он доходил своим умом, шел в искусстве неизведанным путем. И.Е.Репин называл его гением-изобретателем, художником света. Первые же небольшие картины Куинджи вызвали неподдельный интерес публики, которая стояла около них, не замечая остальные. А написанные позднее «Украинская ночь» (1876) и «Вечер на Украине» (1878) буквально потрясли зрителя. Среди художников было много споров, критики, упреков в бестактности — брать такие резкие моменты в природе, но многие не могли удержаться от подражания. Некоторые считали, что у Куинджи есть какой-то секрет в передаче на полотне света. На самом деле никакого секрета не было. Упорный труд и особая чувствительность к тончайшим отношениям цвета помогали создавать шедевры. Друг Архипа Ивановича Д.Менделеев проводил исследования у товарищей-художников на определение чувствительности к тонким нюансам тонов цвета — Куинджи побивал все рекорды. Он первый устроил выставку одной картины «Лунная ночь на Днепре», вызвавшая настоящий триумф.

Обыватель не мог понять его бескорыстие и любовь к посторонним людям. Почему он не такой, как все? Вдвоем с женой они жили скромно, без прислуги. Увлекались музыкой, Архип Иванович играл на скрипке. Посещали театры, но не часто, и больше оперу. Свои картины и материальные средства Куинджи завещал Обществу художников им. А.И.Куинджи, организованном в 1909 году по его инициативе.

Как у Куинджи, так и у Рериха, пейзажи не носят личного характера, они эпические, наполнены высокой духовностью, ведут зрителя к восприятию «формулы Бытия», в них мы видим, что свет ярче себя проявляет рядом с тенью, тьмой. Обоих можно назвать певцами Космоса. Куинджи говорил: «Искусство — это новая религия человечества, религия будущего».

Последнее время я стала часто думать о своей малой Родине — Языково. Мечтала вновь посетить эти милые сердцу и благословенные места, где прошло моё раннее детство. И удивительное свершилось, неожиданно предложили путёвку во вновь построенный пансионат в селе Языково. Невозможно передать чувства, охватившие меня, когда едва вселившись, я пошла по селу. По какому-то неведомому чувству останавливалась именно около мест, где были наш дом, ясли и детский сад, где «умирает» здание школы, в которой я училась, где развалины дома моей любимой тётки и двоюродных братьев. Прошла мимо большого пруда в центре села, где тонула, и неизвестно кем была спасена. С болью прошла мимо разрушенной фабрики им. Калинина. Часто ходила по селу с детскими фотографиями и так нашла друзей детства. Каждый день гуляла по усадебному парку красоты и величины необыкновенной. Сейчас он входит в музейный комплекс, охраняемый государством. Открыт музей «История с. Языково».

Три с половиной столетия назад в этих краях обосновались первые поселенцы по указу царя Алексея Михайловича с целью защиты южных границ от набегов кочевников. Боярский сын Языков получил грамоту на владение землей вдоль Московского тракта по левую сторону. Здесь на пригорке и была основана дер. Языково, первое упоминание о которой относится к 1670 году. Языковы — старинный род, происходивший от мурзы Енгулея, выехавшего из Золотой Орды на службу к князю Дмитрию Ивановичу в 1360 году. Потомки Енгулея образовали несколько ветвей Языковых. Во время Пугачевского восстания село было занято, помещичья усадьба разгромлена, а помещик Языков заживо сожжен. В Отечественную войну 1812 года в Симбирский полк вступило 39 языковцев, принимавших участие в сражениях под Бородино, Смоленском, Лейпцигом, Дрезденом, Гамбургом и Парижем. Господский дом в усадьбе был построен в 1822 году в парке, заложенным в 1670 году старшим из братьев Языковых — Петром. Состоял он из 25 комнат с подземельем и выходом в оранжерею, где выращивались лимоны, розы и др. В 1922г. дом сгорел. Остался фасад и реконструированный фундамент. В парке произрастают деревья разных пород, множество сортов сирени и других кустарников. Стволы вековых деревьев не объять! Множество озёр, переливающихся одно в другое, беседки, мостики, аллеи. Постоянный птичий хор. Там же находится разрушенная Богородская церковь, просуществовавшая 140 лет, иконы для которой были выполнены в Италии. Рядом находятся надгробия семьи Языковых. В Языково прошли лучшие годы поэта-лирика Николая Михайловича Языкова. Родился он в Симбирске в 1803 году в дворянской семье. Получил хорошее домашнее образование. Затем окончил кадетский корпус в Петербурге, после чего институт инженеров сообщения и, наконец, Дерптский университет, периодически навещающая родовое имение. А с 1833 по 1838 годы

живет здесь постоянно. В эти годы Языково становится литературной Меккой. В имении поэта не раз бывали поэт-партизан Д. Давыдов, Баратынский, Киреевский, Гоголь. А 11-12 и 29-30 сентября 1833 года проездом побывал А.С. Пушкин, собиравший материал по Пугачевскому восстанию. По преданию им была посажена ель, которая до сих пор растёт на территории музейного комплекса.

«В старинное стекло седых прудов величественно смотрят анфилады разрушенных оранжерей, домов. Там отражение Пушкинского взгляда, там гордый отблеск Пушкинской поры...» Языков любил родное село, природу и воспевал её в своих стихах: «Краса полуночной природы, Любовь очей, моя страна! Твоя живая тишина, Твои лихие непогоды, Твои леса, твои луга, и Волги пышные брега, и Волги радостные воды — Всё мило мне, как жар стихов, как жажда пламенная славы, как шум прибрежной дубравы и разыгравшихся валов...» У Николая Михайловича было слабое здоровье, и он часто лечился за границей, но всегда оставался патриотом

своей Родины. Вот как он пишет об этом в стихотворении «К Рейну»: «...Я Волжанин: тебе приветы Волги нашей принес я. Слышал ты о ней? Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше, Великолпнее, пышней, И глубже, быстрая, и шире, голубая! Не так, не так она бурлит, когда поднимется погода верховая и белый вал заговорит! А какова она, шумящих волн громада, Весной как с выси берегов через её разлив не перекинешь взгляда, Чрез море вод и островов! По царству и река!»... Затем он живет в Москве, издает два сборника стихов, куда вошли знаменитые «Пловец» и «К ненашим». Н. М. Языков скончался в 1846 году, похоронен на Новодевичьем кладбище.

В 1853 году в селе Языково была пущена суконная фабрика племянником Языковых, затем её, усадьбу с землей и парком выкупил купец Степанов. Он заводит на фабрике театр, духовой оркестр из 50 человек, строит новое здание, закупает станки. С 1905-1907 году фабрика становится очагом забастовочного движения. В первую миро-

вую войну фабрика работает на армию, выпуская 2200 аршин шинельного сукна. В 1914 году произошёл большой пожар, восстанавливали фабрику пленные австрийцы, чехи, венгры. В 1918 году фабрика была национализирована. Бывший хозяин Степанов бежал в Москву, работал там дворником. В 1919 году в ряды Красной Армии вступило 124 языковца, воевали в составе Железной дивизии за Самару, Симбирск, Оренбург против Юденича и Колчака. В 1960 году образовался большой сельскохозяйственный комплекс, продававший до 4 тысяч тонн мяса и 42 тонн молока. На ВОВ ушло 1012 языковцев, не вернулись 537 человек. Павшим открыт

обелиск. После войны фабрика выпускала 17 видов одеял, качественное сукно. В период перестройки экономический кризис прошёлся и по фабрике, она обанкротилась. Сейчас в селе проживает 6,5 тысяч человек. Построены каменные дома, детские учреждения, участковая больница, школа, гостиница, прачечная, баня. Недавно построен новый уникальный мост с каркасом из углепластика. При Доме Культуры работают кружки. В этом году ввели в строй пансионат для возрастных граждан. Я очень рада, что вновь познакомилась со своим Языковым.

Л. Библаева

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

Даниил Андреев - сын русского писателя Леонида Андреева. Он стал известен благодаря, в первую очередь книге «Роза Мира». Её тема - метаистория, в основном России. Он так описал обстоятельства своего озарения.

Первое событие этого рода, сыгравшее в развитии моего внутреннего мира огромную, во многом даже определяющую роль, произошло в августе 1921 года, когда мне еще не исполнилось 15 лет. Это случилось в Москве, на исходе дня, когда я, очень полюбивший к тому времени бесцельно бродить по улицам и беспредметно мечтать, остановился у парапета в одном из скверов, окружавших Храм Спасителя и приподнятых над набережной. Московские старожилы еще помнят, какой чудесный вид открывался оттуда на реку, Кремль и Замоскворечье с его десятками колоколен и разноцветных куполов. Был, очевидно, уже седьмой час, и в церквях звонили к вечерне. Событие, о котором я заговорил, открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то неизмеримо большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания... Потребовалось свыше трех десятилетий, насыщенных дополняющим и углубляющим опытом, чтобы пучина приоткрывшегося в ранней юности была правильно понята и объяснена.

Второе событие этого порядка я пережил весной 1928 года в церкви Покрова-в-Левшине... Если предшествующую обедню заутреню можно сравнить с восходом солнца, то эта обедня - настоящий духовный полдень, полнота света и всемирной радости. Внутреннее событие, о котором я говорю, было и по содержанию своему, и по тону совсем иным, чем первое: гораздо более широкое, связанное как бы с панорамой всего человечества и с переживанием Всемирной истории как единого мистического потока, оно,

сквозь торжественные движения и звуки совершавшейся передо мной службы, дало мне ощутить тот вышний край, тот небесный мир, в котором вся наша планета предстает великим Храмом и где непрерывно совершается в невообразимом великолепии вечное богослужение просветленного человечества...

В ноябре 1933 года я случайно... – зашёл в одну церковку во Власьевском переулке. Там застал я акафист преподобному Серафиму Саровскому. Едва я открыл входную дверь, прямо мне в душу хлынула волна нисходящего хорового напева. Мною овладело состояние, о котором мне чрезвычайно трудно говорить, да еще в таком протокольном стиле. Непреодолимая сила заставила меня стать на колени, хотя участвовать в коленопреклонениях я раньше не любил: душевная незрелость побуждала меня раньше подозревать, что в этом движении заключено нечто рабское. Но теперь коленопреклонения оказалось недостаточно. И когда мои руки легли на ветхий, тысячами ног истоптанный коврик, распахнулась какая-то тайная дверь моей души, и слёзы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо... Содержанием же этих минут был подъем в Небесную Россию, переживание Синклита ее просветленных, нездешняя теплота духовных потоков, льющихся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлем. Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь один из ярчайших светильников Русского Синклита, приблизился и склонился ко мне, укрыл меня, словно эпитрахилью шатром струящихся лучей света и ласкового тепла. В продолжении почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму – и – удивительно! переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой.